

О БОГЕ, ШЕКСПИРЕ И ПАНЦЫРЕВЕ

Среди ульяновских художников он стоит особняком и словно бы находится на пьедестале, возводимом собственными руками.

Его обвиняют в слайдизме, отсутствии нерва в полотнах, доказывают, что работы Панцырева не “царапают” душу, не привносят “высоких чувств” в сердца людей. Но при всем при этом, что поделаешь, - нравятся неискушенному зрителю.

Не правда ли, у большинства из нас сложился в какой-то мере образ типичного художника? Непременно с бородой, частенько навеселе, обязательно Дон-Жуан и слегка чокнутый.

Панцырев выпадает из привычных представлений. Мускулистый и спокойный, Юрий Николаевич чем-то похож на боксера, который готов отразить любой удар. И все-таки он не так прост, как может показаться на первый взгляд. Удивительны глаза, умные, пронизательные, даже жестковатые, и искренность, питаемая осознанием собственной самоценности.

...Шансов стать живописцем у него почти не было. Родился в заштатном “ситцевом” городишке. Род Панцыревых до десятого колена не обнаруживал кого-либо, державшего кисть в руках. Мама - зоотехник, папа - мастер на текстильной фабрике. И вдруг Юра, которому родители и школа прочили военную карьеру, к собственному удовольствию поступает в Строгановское училище, а некоторое время спустя - в институт им.Сурикова, где конкурс по тем временам доходил до ста желающих на место. Взяли не по

причине блистательно сданных экзаменов, а потому что приемной комиссии удалось добиться дополнительных мест для двух абитуриентов, чьи работы им понравились. Так Юрий Николаевич Панцырев стал студентом одного из самых престижных ВУЗов страны. Хорошее образование не дарует таланта, но шлифует его, если, паче чаяния, он вдруг обнаруживается.

Освежить впечатления от работ Юрия Николаевича в этот раз мне не удастся. Еще в ноябре прошлого года сорок полотен художника отправились в Москву, где три недели радовали жителей столицы в центральном выставочном зале на Крымской набережной, затем 6 картин перекочевали на Российскую выставку. Да и с самим Ю.Панцыревым встретиться оказалось достаточно сложно. Он чаще бывает в столице или в Пластовской Прислонихе, чем дома.

- Самая страшная беда художника, - делится Юрий Николаевич, остановиться, засидеться в болоте. Практически я бываю на всех столичных выставках. Даже в студенчестве: ни одни каникулы я не провел дома, чем очень обижал маму. Каждую свободную минуту я “жил” в Эрмитаже.

Кстати, за полтора десятка творческих лет Юрий Николаевич выставлялся на 50 выставках высокого ранга (международных, республиканских, региональных), не считая областных. Поклонники и недруги признают, что кисть у Панцырева “не стынет”. Будучи председателем правления Ульяновской организации Союза художников РСФСР (1986-1989), он мечтал о постоянном проведении персональных выставок, но...

...Кто-то вспоминает о тех временах с обидой. Ему ставят в вину то, что он пытался поделить художников на “белых” и “черных”, на элитных и посредственных. Кто-то откровенно считает, что московские успехи (Панцырев был избран в 1987 году секретарем правления СХ РСФСР, через год - членом правления СХ СССР, персональная выставка на Крымской набережной) обусловлены патронажем семьи Пластовых, личной дружбой с внуком Аркадия Пластова. Но ведь дружба - это диалог на одном языке, взаимный человеческий интерес.

Проблема выставок занимает Панцырева постоянно: “Художник, как и актер, непременно должен выходить на публику. Даже когда ругают - это лучше, чем молчание. Будущую выставку я планирую заранее. Скажем, идет у меня серия полевых букетов - чувствую, нужно какое-то яркое пятно”.

И рядом с “Колокольчиками”, где каждый штрих насыщен “многообразной неброскостью”, появляются “Красные пионы с желтыми ирисами”. Последняя работа привлекает и завораживает как пожар, но мне больше нравится первый натюрморт. Голубой мираж, где жизнь и увядание столкнулись в невероятной близости, где соседствуют замкнутость и бесконечность пространства, где “да” и “нет” звучат одновременно. Но вообще-то интерьерные работы Юрия Николаевича изысканно-холодноваты, требуют соответственного антуража, обстановки и воздуха. В крохотных, захламленных вещами квартирках они, пожалуй, “задохнутся”. Запад, который устал от авангардизма и испытывает острую тоску по русскому реализму, с удовольствием покупает произведения искусства подобного плана. Но у Панцырева свой взгляд на это: “Я не люблю продавать картинку. Они ведь как дети, хочется все время их видеть рядом. Кому-то они кажутся, может быть, уродливыми, но разве собственный ребенок так воспринимается?..”

Картинки - привычное слово Юрия Николаевича. Я воспринимаю его как диссонанс. Панцырев спокойно объясняет: “Картинки писали Рембрандт, Ван-Гог... И все-таки “детей” приходится продавать, чтобы жить. Раньше художников спасали спецзаказы. Отдашь государству две-три недели, а остальное время свободно для творчества. Сейчас хлеб насущный добывается самостоятельно”.

Панцырев слывет дорогим художником. Продаются его работы, как правило, в столице. Откуда и попадают за рубеж.

“У меня семья: две дочки, жена не работает. Я стараюсь обеспечить им нормальное существование. Светлане достается: все на ней: дом, дети, я. Домашних дел, честно признаюсь, не касаюсь”.

Панцырев не женился долго, но судьба его “подстерегла”. Трамвайное знакомство началось с невинной просьбы к Светлане: попозировать. Не склонный к экспрессивным поступкам, в тот момент он просто хотел покрасоваться перед другом, а получилось, что и портрет был написан, и свадьба состоялась. Юрий

Николаевич улыбается: “Моя жена не просто красивая женщина, она - счастье. Вот почему я и пишу букеты, пейзажи и портреты...”

Мимо серии детских портретов Ю.Панцырева пройти трудно. Они приковывают взгляд. Два из них - просто чудо. Катюша и Настя. Две дочки. Белокурый земной ангел и темноволосый капризный чертенок. Нежность и экспансивность! Тепло любви с полотном рвется к вам. Нет слов, просто солнечный луч заглянул к вам в душу тихой радостью. Потом память снова и снова возвращает вас в прекрасный плен двух детских лиц. Так бывает не часто.

Говорят, живописцев нельзя прямо спрашивать - кто самый лучший художник? Надо к вопросу обязательно добавить слова - после Вас. Юрий Николаевич легко и хорошо воспринимает шутку, оставаясь совершенно серьезным.

“До меня тоже было немало стоящих. К примеру, Веласкес, Серов, Левитан, Вермер...”

Я мысленно перевожу блистательный список на язык профессиональных интересов художника Панцырева. Это значит, что его занимает нюансированная живопись, тонкость и богатство колорита, живая вибрация света и воздуха, камерные сюжеты из повседневной жизни, желание проникнуть в характер натуры, что ему не чуждо чувство гармонии. Другими словами, он - сторонник классической живописи.

Посредственный писатель спросил у Шекспира: как ему стать великим Шекспиром. На что гений ответил: “Милый, я хотел быть Богом, а стал всего-навсего Шекспиром”. Следуя этой поучительной легенде, я спросила Юрия Николаевича:

- Кем бы Вы хотели быть?

- Панцыревым, - ответил он. - Всего-навсего Панцыревым, но не меньше.

P.S. Ни одна репродукция не способна передать теплое обаяние живого полотна. Помните это, когда будете рассматривать работы Ю.Панцырева. А уж если случится выставка его работ - сходите. Независимо от того, понравится вам манера художника или нет, время зря вы не потеряете.

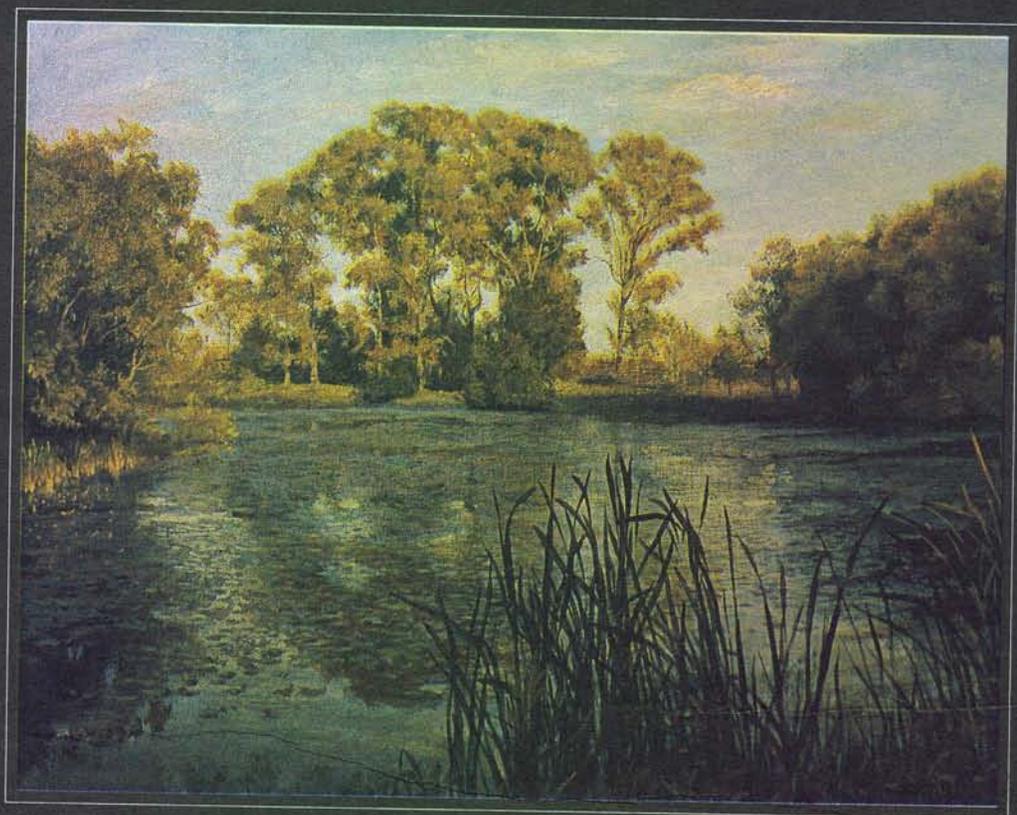
Мария МАРОВА,
журналист. Окончила Свердловский
государственный университет. Журналистский
опыт - более 20 лет - приобретен на
телевидении.

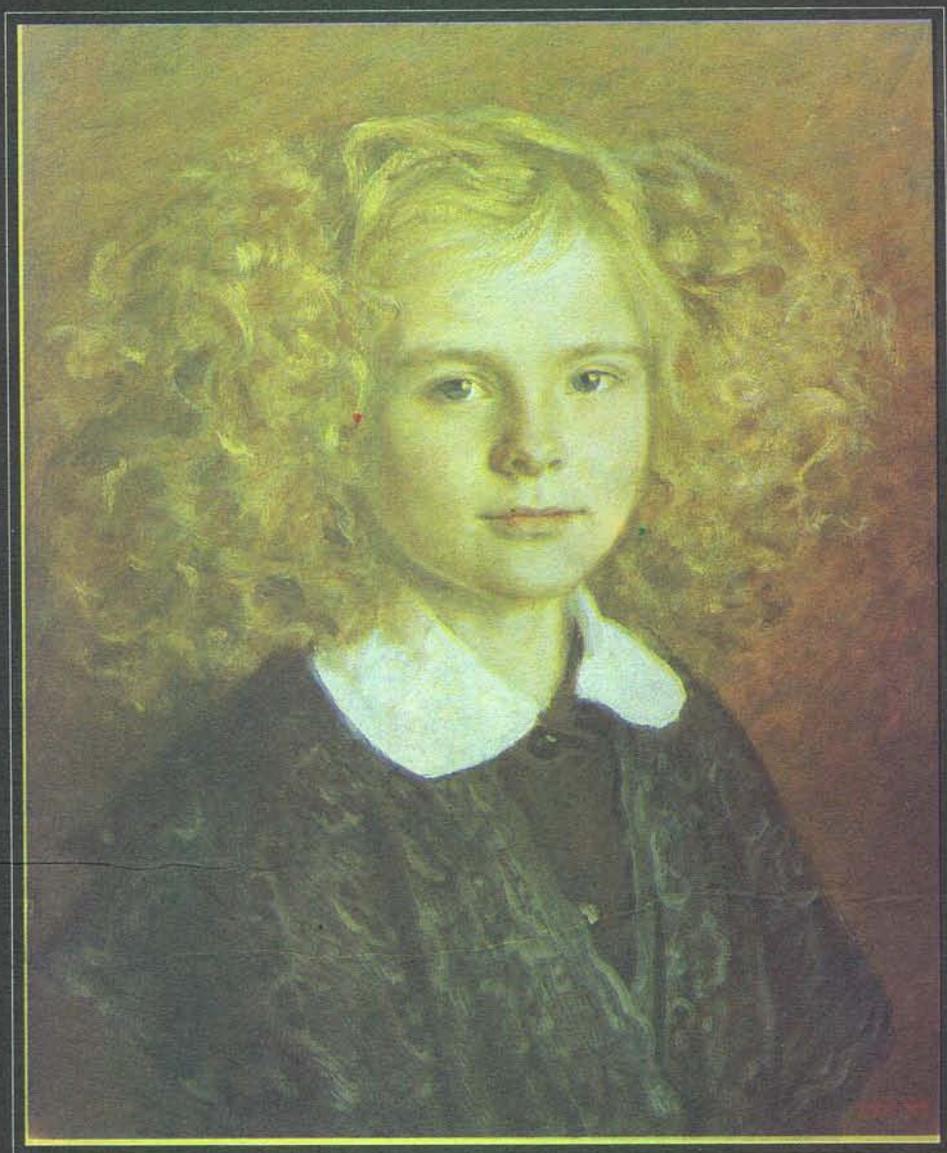
Июльские травы

Букет калины

Пейзаж

Вероника